

© 2020 г.

Диманс С., Левичева В. ЛЮДИ И НОРМЫ: ИНСТИТУТЫ vs НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.

Среди множества книг и статей по социологии, которые появляются в России с необыкновенной скоростью и обещанием показать всем тайные пружины управления миром, страной, организацией, человеком на основе данных статистики и опросов десятков тысяч людей, отобранных по правилам выборки (в количественной стратегии социологии) или, напротив, нескольких интервью с носителями соответствующего социального опыта (в качественной стратегии), могла бы пройти незамеченной книга Сергея Диманса и Валентины Левичевой «Люди и нормы», хотя она и посвящена активно обсуждаемой в мировой социологии проблеме взаимодействия неформальных практик с правилами, привносимыми в повседневность социальными институтами. После выступлений «желтых жилетов» во Франции, славным образцом демократии в ее западном понимании, после митингов оппозиции на проспекте Академика Сахарова в Москве по поводу выборов в Московскую городскую думу (хоть многие журналисты находили среди протестующих людей из Нижнего Новгорода или Сургута, приехавших высказывать свое мнение по вопросу, сугубо московскому, а от представительной власти одного из регионов, даже столичного, в такой огромной стране, как Россия, мало что зависит), после постановки на грань импичмента президента США в опоре на одно заявление – в общем, после схожих событий в разных странах тема взаимодействия, а скорее – противодействия людей, не желающих принимать освященные традицией и законом правила, на страже которых стоят системы государства и правоприменения, тема, обозначенная в рецензируемой книге, оказалась в центре дискуссии о формальной и неформальной власти.

Она могла бы быть всего лишь еще одним голосом в хоре, если бы не оригинальная концепция, ставшая основой книги: «...неформальность противопоставит не формальности, а тем рискам, которые создают формальные институты. Это на порядок перекрывает негативные социальные феномены, создаваемые неформальными практиками, и придает социуму существенный запас прочности» (с. 10). Такой подход переворачивает саму постановку вопроса о взаимодействии институтов и неформальных практик: не вторые выражают реакцию на действия первых всегда и везде, а наоборот, неформальные практики определяют устойчивость общества, а институты – успешно или нет – следуют за ними, превращают в большей или меньшей степени их в норму.

Конечно, и неформальные практики понимаются авторами книги не в той однобокой трактовке, которая повсеместно распространена: здесь не подходит их понимание в терминах маргинальности, индивидуального выбора, антигосударственности. Они анализируют, как происходит институционализация неформальных поведенческих практик, как переходит неформальное в формальное, и наоборот, каким образом социальные институты сами становятся источниками неформальных практик (с. 10–11).

Авторы дают свое определение категориям «институт», «неформальность», «институциональные риски», «институционализация неформального», «пространство институционального порядка», «низовые неформальные сети» и другим. Основываясь на понимании институтов как системы норм, структурирующих социальные взаимодействия людей, создавая пространство и пределы их повседневных практик, они подчеркивают, что важным

институциональным приобретением общества можно считать: во-первых, преодоление неопределенности и рисков (весь смысл существования институтов); во-вторых, упорядочение эмоционально-психологических паттернов в жизни людей (в институтах поведение человека не требует дополнительной легитимации, объяснения или оправдания); в-третьих, резкое снижение издержек взаимодействия людей; в-четвертых, распределение в обществе статусов и ролей. В первой главе показано, что собственно институционализация происходит тогда, когда из-за повторяющихся проблем и возникающих стандартов их решения формула взаимодействия «мы это делаем так» заменяется формулой «это делается только так», и большинство с этим согласно (с. 24).

Авторы полемизируют с устоявшейся точкой зрения на конструктивно-позитивную роль институтов в развитии общества, показывая, что в схватках с неопределенностью и рисками институты проигрывают намного чаще, чем принято считать (с. 27–28). Институциональные усилия по поддержанию некоего системного порядка не могут устранить неопределенность и возникающие при этом риски. Это показано на примере разных стран с учетом опыта функционирования институтов, которые признаны некими эталонами (с. 26–43).

Особый интерес представляет попытка рассмотреть проблемы институциональных рисков в условиях непрогнозируемых (непредвиденных) конкретных событий, названных в книге прилетом «черных лебедей». На основе анализа институтов сферы экономики разных стран обосновывается вывод о слабой сопротивляемости институтов событиям, которые случились, хотя не должны были случиться, с неявными причинами и катастрофическими последствиями (с. 43–61).

Значительная часть книги посвящена собственно неформальным отношениям, рассматриваемым в принципиально новом для проблематики социальных институтов контексте. На большом фактическом и теоретическом материале авторы показывают созидательную функцию неформальности в обществе. Из неформальных отношений в процессе законодательной легитимации образуются институты. Они существуют для всех, независимо от того, нравится кому-то или нет. Мера упорядоченности тех или иных общественных отношений, обеспечиваемая социальными институтами, зависит от содержания самого института как такового независимо от состояния внешней среды, в которую он вписан. Но нет необходимости все положительные практики узаконивать. Не может быть правил, разом удовлетворяющих все группы интересов.

С точки зрения авторов, институты не могут устранить неопределенность и возникающие при этом риски, а вот неформальные отношения играют первостепенную роль в преодолении постоянно возникающих рисков. Но такая функция неформальных отношений не распространяется на большое институциональное пространство общества.

Проанализированный авторами ряд проблем в главе «Пространство институционального порядка» имеет высокую практическую значимость и может быть востребован государственными структурами, осуществляющими институциональные интервенции. В первую очередь проблемы инерционности институтов, стремления к стационарному состоянию и необходимости институциональных изменений. Далее, проблемы корреляции и взаимосогласованности институтов, институциональных аномалий, институционального лоббизма, доверия к институтам. Особо обозначена проблема внутренних институтов как внутренних регламентов конкретных организаций, как институтов в институтах, правил поведения в зонах действия других, более общих правил.

Привлекает внимание утверждение авторов о том, что институциональный порядок сам создает неопределенность и риски, поэтому не может быть понят как исключительно рациональный феномен. Не существует всеобъемлющей рациональности как самих институтов, так и результатов их деятельности. На их взгляд, общим источником нерационального являются дисфункции социальных институтов, их неспособность создать четкую систему координат и разграничить поведенческие практики с точки зрения их соответствия общепринятым представлениям о правильном и разумном поведении (с. 105–118).

Авторы доказывают неоднозначность социокультурной детерминации, подчеркивая, что не стоит ее абсолютизировать, что превращение социокультурной специфики в

социальный капитал происходит только под воздействием институциональной среды. Причем эффективные институты могут накапливать такой капитал, а неэффективные – обесценивать и разрушать. Культура же выступает не как источник институтов, а как объективное ограничение институционального процесса. Желание избавиться от таких культурных ограничений ни к чему хорошему не приводит. Предупреждая неконтролируемые мутации старых институтов и «порчу» новых, стоит ориентироваться на ценностную информацию прошлого.

Концептуальный поворот, осуществленный в книге С. Диманса и В. Левичевой, вовсе не означает, что они преклоняются перед неформальными практиками, считая их гарантией от институциональных искажений реальности. Неоднозначный характер неформальности хорошо показан в приложениях, где кейсы о неформальных практиках в здравоохранении, теневом рынке драгоценных камней, институциональных и неформальных взаимодействиях в спорте показывают, насколько сложно «люди и нормы» сочетаются в повседневности и насколько опрометчиво было бы неформальные практики предпочитать институциональному регулированию, не замечая конкретных обстоятельств их противостояния.

В этой связи заметим, что есть некоторая сторона неформальных практик, которую авторы книги все же оставляют в тени анализа современности, хотя иногда показывают ее неприглядные черты. Неформальные практики, как все стихийные массовые действия протеста, способны легко управляться «закулисем» – своим и чужим, внутренним и внешним, порождать «благородный гнев», стремление действовать вопреки власти (круша, например, витрины магазинов, избивая полицейских и т.д.) в итоге манипуляций, провокаций, технологий «цветных революций», игры на многозначности восприятия людьми реальности. Этот эффект использовался и раньше, его следы обнаруживаются и во времена античности, и в шекспировской Англии, и в геббельсовской пропаганде. Но в «цифровом обществе» – где информация не удерживается в границах, контролируемых институтами власти, где до людей она доходит как бы из одного «достоверного» источника, где смешиваются репортажи с места событий (всегда односторонние) и «фейки» – феномен манипуляции на неформальных практиках имеет цели, далеко выходящие за пределы противостояния рискам, порожденным отдельными институтами власти.

Но чтобы не власть в признание или непризнание тех или иных неформальных практик, надо сначала уверенно встать на позицию, что «неформальность – это фундаментальная основа любой институциональности» (с. 6). Книга С. Диманса и В. Левичевой позволяет аргументированно признать эту позицию и исходить из нее в современной социологии.

А.И. КОВАЛЕВА, В.А. ЛУКОВ

КОВАЛЕВА Антонина Ивановна, д. социол. н., проф. (aikovaleva@mail.ru); ЛУКОВ Валерий Андреевич, д. филос. н., проф., Институт фундаментальных и прикладных исследований (v-kukov@list.ru). Оба – Московский гуманитарный университет, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250008503-6

Dimans S., Levicheva V. PEOPLE AND NORMS: INSTITUTIONS vs INFORMAL PRACTICES. Moscow: Klyuch-S, 2018. 304 p. Reviewed by A.I. Kovaleva, V.A. Lukov.

Antonina I. KOVALEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (aikovaleva@mail.ru); Valery A. LUKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (v-kukov@list.ru). Both – Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia.
